

Кожина А.А. Польские и белорусские переводы Псалтири на фоне общеславянской традиции // Polonistyka 2010. – Минск: Медысонт, 2011. – С. 267-278.

Автор: А.А.Кожина

Тема: Теория и практика перевода

Дата публикации: 2011.

Издатель: Минск, Медысонт.

Аннотация: *Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам истории перевода. В качестве материала исследования были взяты польские и белорусские переводы Псалтыри XVI в. В статье рассматривается проблема выбора оригинального текста (древнееврейский, греческий, латинский), а также задачи, которые ставили перед собой переводчики. Основной задачей статьи является выяснение того, что понималось под эквивалентностью перевода в тот исторический период и насколько этот критерий реализовывался в отдельных переводческих версиях.*

Польские и белорусские переводы Псалтири на фоне общеславянской традиции

Проблема эквивалентности перевода всегда привлекала и привлекает внимание исследователей, будь то исследование сакральных книг древности или же современных дипломатических документов. Если говорить о текстах, относящихся к первой группе, причины обнаруживаемого совпадения могут быть совершенно иными, чем это наблюдается в современной переводческой практике, где лексическая, в частности, эквивалентность достигается сознательным подбором единицы, наиболее в семантическом отношении совпадающей с оригинальной лексемой. Именно благодаря этому мы можем получить ряд переводов одного текста, достаточно сходных и даже идентичных в формальном и семантическом отношении. На основании этого Ю.Найда отмечал, что в основе перевода лежат главные характерные особенности языковых систем, следовательно, основные переводческие проблемы находятся в области языковой семантики (Nida 1959).

Нельзя сказать, что переводчики древности были свободны от подобных поисков. Однако описанные выше отношения эквивалентности часто достигаются или, лучше сказать, возникают в силу совершенно иных

причин – экстралингвистических. Следует сказать, что упомянутый выше Ю.Найда в своих позднейших работах разработал теорию динамической эквивалентности, предполагающей учет именно экстралингвистических факторов, утверждая, что «перевод отличается от большинства лингвистических подходов в том отношении, что он имеет дело с живой коммуникацией, направленной к аудитории, имеющей другой лингвистический и культурный уровень по сравнению с тем, который характерен для носителей коммуникации-источника. Это сразу же влечет за собой необходимость изучения быта и вкусов носителей языка, на который делается перевод («получателей» коммуникации), необходимость тщательного исследования культурных различий, которые оказывают влияние на интерпретацию и оценку сообщения. Таким образом, вряд ли было бы правильным подходить к переводу без учета динамического фактора ответной реакции получателей информации» (Найда 1970, 3).

При анализе библейских переводов XVI в. (а именно на это время приходится «золотой век» библеистики в Центральной Европе) трудно учитывать ответную реакцию получателей информации, поэтому свидетельства присутствия экстралингвистического фактора приходится находить несколько иным способом. Чаще всего в качестве такого фактора выступает использование того или иного оригинального текста, что, безусловно, зависит от конфессиональной принадлежности создателя перевода, но, часто, и от ряда случайных обстоятельств. Здесь можно наблюдать очень много интересных совпадений.

Так, Пс. 9:28 (10:7) (ср. также Пс.89 (90).10) обнаруживает в нескольких абсолютно различных переводах, отделенных друг от друга как временным отрезком, так и конфессиональной демаркационной линией, сходную характеристику, заключающуюся в наличии в тексте лексемы со значением ‘труд’. Упомянутые переводы – это Псалтирь иезуита Я.Вуека (1594), ставшая для поляков-католиков канонической в составе полного текста Библии (1599), Псалтирь Ф.Скорины (1517), который, по мнению большинства исследователей, был православным, и в первая славянская версия этой книги – Синайской псалтири, созданная для богослужения по византийскому образцу (ср. также указанный псалом в церковнославянской православной Острожской библии):

Wuj. – Którego ułtá pełné łą złorzeczeństwá y gorzkości y zdrady: pod iezykiem iego praca y boléść;

Skor. – его же уста клятвы полна съть игорести ильсти, подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь;

Sin. – подъ ѡзыкомъ емоу трудоу и бо(лѣ)знь.

Подобная смысловая комбинация (*труд и болезнь*) не является неожиданной: «В церковнославянском языке основным значением слова *трудъ* является ‘страдание, мучение, болезнь; беспокойство, горе; трудность, тяжесть, тяжкое положение’... В этом значении оно

употребляется в псалтыри и других богослужебных книгах. По сравнению со старославянским, где это слово, согласно Старославянскому словарю, имеет два основных значения: 1. ‘усилие (также плоды труда, усилий, аскетическая жизнь, мученический подвиг)’ и 2. ‘затруднение, трудность’..., в церковнославянском усилено значение страдания, боли, мучений, хотя это различие может быть следствием разных толкований, принадлежащих авторам словарей» (Толстая 2008, 115). Аналогично в ст.-пол. лексема *praca*, фиксируемая с XIV в., имеет значение не только ‘работа, действие, усилие’, но и ‘мука, мучение’ (Bogus 2006, 478).

Предложенная С.М.Толстой комбинация смыслов определяла также семантику древнееврейского соответствия лексемы **трудоу**, находившегося в рассматриваемом стихе, — **לְמַלְאָה** (*`āmāl*) значит ‘беспокойство, тревога, заботы, хлопоты, трудность, неприятности, болезнь, вред, повреждение, зло, ущерб’ и ‘тяжелый труд, работа’ (Gesenius 765). Во всех трех рассматриваемых текстах – Синайской псалтыри, Библии Я.Вуека и Библии Ф.Скорины – эта лексема может также переводиться как *болезнь*, ср.:

Пс. 7.15:

Sin. – **се болѣ неправдѣ: Зачатъ болѣзнь і роди безаконнѣ;**

Skor. – **се боле родачи неправдѣ, зачатъ болѣзнь ироди безаконнѣ;**

Wuj. – **oto rodził niespráwiedliwość: począł boleść / y urodził nieprawość;**

Пс. 7.17:

Sin. – **обратитъ сѣа болѣзнь его на главѣ емоу;**

Skor. – **обратитсѣа болѣзнь его наглавѣ его;**

Wuj. – **obróci się boleść jego ná głowę jego;**

Пс. 9.35 (10.14):

Sin. – **видши ѣко ты болѣзнь і ѣростъ смотриши;**

Skor. – **видиши како ты болезнь и трѣд смотриши;**

Wuj. – **bo ty ná boleść y ná utrapienie pátrzyisz.**

Интересно, что эти, следующие подряд фрагменты – единственные примеры подобного перевода. Далее **לְמַלְאָה** в тексте Псалтыри в указанных славянских версиях переводится только при помощи лексемы со значением ‘труд’.

Однако подобная трактовка не является произволом славянских переводчиков, поскольку здесь они старательно следуют за своим оригиналом. Приведенная выше формула *труд и болезнь* — **לְמַלְאָה וְאָוֶן** (*`āmāl wā 'āwen*) оригинального текста – соответствует в LXX греческому сочетанию **κόπος καὶ πόνοσ**, где **κόπος** переводящее др.-евр. **לְמַלְאָה**, имеет значение ‘усталость, изнурение, слабость’, а также и ‘труд, тягость’, а **πόνοσ** переводит др.-евр. **וְאָוֶן** ‘забота, беспокойство’ и означает ‘труд, работа, тягость, напряжение, борьба’ и ‘страдание, мука, горе, несчастье, бедствие, боль или болезни’ (Вейсман 1899, 722, 1034). По сути дела,

переводчик Синайской псалтири, имевший в качестве оригинала LXX, вообще имел право представить рассматриваемое сочетание тавтологически, однако он на протяжении всего текста Псалтири он последовательно переводил *κόπος* как **трудоу**, а *πόνος* как **болѣзнь**. Именно этим обусловлены указанные выше разночтения трактовки др.-евр. **לָמַד**, так что за непоследовательность в переводе древнееврейского оригинала целиком ответственны создатели LXX.

Как видно, греческим переводом Ветхого Завета пользовался и Франциск Скорина. Здесь он не зависим ни от древнеславянской переводной версии, ни от Вульгаты, которая могла бы повлиять на него через чешские библии, которые он часто брал за образец.

В Вульгате, которой пользовался Якуб Вуек, на месте рассматриваемой древнееврейской формулы стоит *labor et dolor*, в которой *labor* значит 'напряжение, труд, работа', но также и 'трудность, бедствие, тяготы, мука, страдание, болезнь, боль', а *dolor* – 'боль, страдание, скорбь, огорчение, печаль' (Дворецкий 2000, 435, 265). Употребление этих лексем в Псалтири Вульгаты последовательно соответствует употреблению *κόπος* и *πόνος* в LXX. Как известно, «термин "Вульгата" описывает иеронимовский перевод Ветхого Завета (кроме Псалтири, взятой из галликанской Псалтири); апокрифических Книг (кроме Книг Премудрости Соломона, Екклесиаста, 1 и 2 Книг Маккавеев и Книги Варуха, взятых из Старой латинской версии); и весь Новый Завет» (McGrath 2005, 295). В свою очередь, галликанская Псалтирь ("Psalterium Gallicanum") представляла собой древний перевод псалмов с греческого языка, отредактированный и исправленный св. Иеронимом согласно "Гекзаплам" Оригена. Позднее «была создана комиссия по подготовке стандартного текста [Вульгаты – А.К.], его издание осуществлено в 1590 г. (Сикстина, Сикстинская Вульгата, по имени папы Сикста V), но в следующем издании 1592 г. (Клементина, по имени папы Клементя VIII) введено 4900 изменений... Клементина определяет традицию латинского печатного текста до настоящего времени» (Алексеев 1999, 116-117). Это издание повторяло текст Иеронима, включая указанный выше перевод Псалтири с греческого.

Исследователь творчества пишет Я.Вуека пишет: «В качестве основы перевода Вуек принял Псалтирь, находящуюся в Вульгате, которая опиралась на LXX. Эту версию переводчик ценил выше, чем еврейский оригинал и его латинские переводы, поскольку считал, что LXX освящена апостольской традицией, а древнееврейский текст происходил от масоретов, которые установили окончательную версию еврейской библии через несколько веков после Христа» (Pietkiewicz 2003, 170). Как представляется, иезуит Я.Вуек просто не имел другого выбора – он был обязан использовать каноническую Клементину, что, по мнению исследователей, и делал (см., например, Kubski 2007).

Как уже говорилось, вероисповедание и оригинальный текст в большинстве случаев играют определяющую роль при выборе лексемы. Поэтому в ранних польских переводах Псалтири, созданных с опорой на Вульгату Иеронима (Флорианской и Пулавской (XIV в.)), а также в католической версии Библии, составленной предшественником Вуека Яном Леополитой, профессором Краковской академии (1561 г.), мы также находим слова со значением 'труд':

Flor. – Jegoż pokłęcia usta pełna są i gorzkości, i łści, pod językiem jego robota i *leść;

Puł. – Iegofz ufta złorzeczenya pełny fą y gorzkofzczy ý zdrady pod ýżikým yego robota ý bolefcz;

Leop. – Jego uftá pełné fą przekłęstwa / y gorzkości / y zdrády : á pod iezykiem iego praca y boleść.

А вот у С.Будного (его Библия была издана в 1574 г.), в отношении которого является непреложным тот факт, что он пользовался масоретским древнееврейским текстом, встречаем соответствующую первому значению слова לַחַץ' лексему *boleść*:

Bud. – Przeklinánia uftá iego pełne / y chytróści y zdrady / pod iezykiem ie^o boleść y nieprawość.

По-видимому, этот же оригинал инспирировал появление лексемы *uprzykrzenie* в Радзивилловской библии (1563 г.), создатели которой, по крайней мере, прокламировали использование при переводе древнееврейского текста:

Radz. – Ufta iego pełne są złorzeczeństwá / chytróści y zdrady / á podięzykiem iego uprzykrzenie y złość.

Однако сводить все только к оригинальному тексту было бы слишком примитивно. Так, в стихотворной версии Я.Кохановского (1579 г.) на выбор лексемы, безусловно, повлияли законы стихосложения, ср.:

Koch. – Uftá iego przekłęstwa pełné / y zdrády: Język roztérki śieie / y krwáwé zwady.

И в Псалтыри, которую перевел Валенты Врубель (1539 г.), ортодоксальный католик и полемист, используя в качестве оригинального текста Вульгату (латинские стихи приводятся в издании параллельно польскому тексту), мы находим совсем иную лексему, нежели в других католических версиях:

Wrób. – W ufciech ie^o pełno ieft gorzkości y zdradi Pod iezykiem iego fmutek y żałfc.

Однако, если посмотреть на приведенные выше значения лексемы *labor* ('трудность, бедствие, тяготы, мука, страдание, болезнь, боль'), становится понятным выбор подобного переводческого решения. Подобная смысловая разбежка, безусловно, объясняется абстрактным характером переводимой лексической единицы. Еще Ч.Филмор отмечал, что изучение абстрактных понятий является весьма непростым занятием в

силу того, что они относятся к числу наиболее неоднозначных, трудно постигаемых и интерпретируемых, так как представляют собой имена сложных ситуаций (Филлмор 1983, 119). Однако именно этой ситуационность, как представляется, и является гарантом переводимости. Как отмечал Дж.К.Кэтфорд, «единицы языка-источника и принимающего языка редко имеют одинаковое значение в лингвистическом смысле; но они могут функционировать в одинаковой ситуации... Тексты в языке-источнике и принимающем языке или их элементы являются переводными эквивалентами, когда они взаимозаменяемы в данной ситуации. Вот почему Переводная Эквивалентность практически всегда может быть установлена на уровне предложения – предложение является единицей грамматики, наиболее непосредственно связанной с речевой функцией в данной ситуации» (Catford 1965, 45).

Безусловно, контекст (и не только в границах отдельного предложения, но и структура более широких текстовых отрезков) играет огромную роль. Именно сочетание **трудъ и болѣзнь** в стихе Пс. 9:28 (10:7) обусловило появление сочетания **болѣзнь и трудъ** в Пс. 9:35 (10:14), где последнее слово соответствует греч. *θυμός* 'дух, душа' или 'гнев' (ср. в Sin. – **болѣзнь и ѣрость**), т.е., по сути является если не ошибкой, то произволом переводчика.

Если же говорить именно о Псалтыри, одной из наиболее используемых книг Ветхого Завета, появившейся в славянской традиции в числе первых кирилло-мефодиевских переводов, большую роль играет не только ближайший контекст, но и широкий ситуационный. Ведь все приведенные переводческие версии создавались в устойчивой христианской традиции, и их авторы прекрасно представляли переносный смысл псалмов, о чем можно судить, в частности, из глоссы к рассматриваемому стиху в переводе Валентина Врубля (Wrób.): *Nie dofyć I tak źle AntychryŃt będzie myŃlił ale teŃ Źłorzeczenia y bluźnienia bo on będzie JefuŃa bluźnił To ieŃŃ, tylko Ńmutek y załofc będzie on zadawał ludu Ńwiętemu*. На существование подобного контекста указывал уже один из исследователей Псалтири в XIX веке, утверждая, что «воспитываемые на этом тексте православные христиане, как в древности и в других случаях своей литературной, если так можно выразиться, деятельности и производительности, так или иначе соприкасающейся с предметами разнообразного содержания Псалтири, вызывают из своей памяти, часто даже невольно, изречения последней и излагают их в своей речи наряду с другими выражениями, обыкновенно даже вовсе не справляясь с тем соответствуют ли и вполне ли соответствуют эти изречения своему еврейскому подлиннику...» (Корсунский 1897, 632).

Таким образом, можно предположить, что эквивалентность исходного и конечного текста в библейских переводах поддерживается ситуационным контекстом. При этом ситуационность должна пониматься

широко и включать в себя также внелингвистическую ситуацию функционирования текста в церковной практике. В таком случае для потребителя текста правильным и адекватным будет любой знак такого текста, даже если он не совсем соответствует духу и букве первоисточника.

Источники

- Bud. – Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, łacińskiego prełożona z predmową S. Budnego, jako tłumacza. Nieśwież, 1570; Zasław, 1570-72.
- Flor. – Psalterz Floriański. Электронный ресурс. Режим доступа: http://staropolska.pl/sredniowiecze/biblia_i_apokryfy/psalterz_florianski.
- Koch. – Psalterz Dawidów przekładnia Jana Kochanowskiego. Kraków, 1587/
- Leop. – Leopolda. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Paderborn etc., 1988.
- Puł. – Psalterz Puławski. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.archive.org/stream/psaterzpuawski>.
- Radz. – Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone. Brześć Litewski, 1563.
- Skor. – Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 г.г. Т. 3. Мінск, 1991.
- Wrób. – Zoltharz Dawidow, przez Mistrzá Wálántego Wroblá, niekiedy káznodzieję Poznáńskiego, na rzecz polską wyłożony. Kráków, 1567.
- Wuj. – Biblia w przekładzie J.Wujka z 1599 r. Transkrypcja typu B. Warszawa, 2000.
- Син. – Северьянов С. Синайская псалтырь. Graz, 1954.

Литература

- Алексеев, А. А. (1999), Текстология славянской Библии. Санкт-Петербург.
- Вейсман, А.Д. (1899), Греческо-русский словарь. Санкт-Петербург.
- Дворецкий, И.Х. (2000), Латинско-русский словарь. Москва.
- Евсеев, И.Е. (1916), Очерки по истории славянского перевода Библии. Петроград.
- Корсунский, И.Н. (1897), Перевод LXX Его значение в истории греческого языка и словесности. Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
- Найда, Ю. (1970), Наука перевода. В: Вопр языкозн. № 4, 3-14.
- Толстая, С.М. (2008), Труд и мука. В: Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва.
- Филлмор, Ч. (1983), Основные проблемы лексической семантики. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Москва, 74-122.
- Boryś, W. (2006), Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków.

- Catford, J.C. (1965), *A linguistic Theory of Translation*. Oxford.
- Gesenius, W. (w. y.), *Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic*. Oxford.
- Kubski, G. (2007) *Wzór biblijnej polszczyzny*. W: *Przewodnik Katolicki*, 1 sierpnia. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://wiadomosci.onet.pl/kiosk/religia/wzor-biblijnej-polszczyzny,3,3338150,wiadomosc.html>.
- McGrath, A. E. (2005), *Iustitia Dei: A History of the Christian Doctrine of Justification*. Cambridge.
- Nida, E. (1959), *Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating*. In: R.Brower(ed.). *On Translation*. Cambridge (Mass.), 11-31.
- Pietkiewicz, R. (2003), *Pismo święte w języku polskim w Latach 1518-1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego*. Wrocław.